

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ НА ВОЛЫНИ

ВЪ XV СТОЛѢТІИ.

Барона М. А. Таубе.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА „РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ".

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. д.

1898.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ НА ВОЛЫНИ

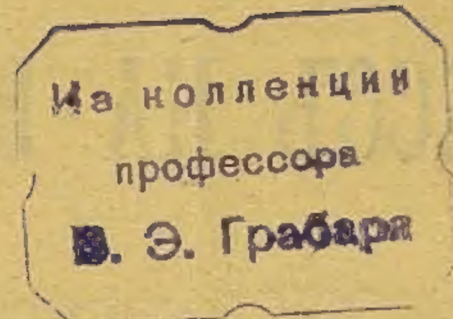
ВЪ XV СТОЛѢТІИ.

Барона М. А. Таубе.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА „РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. д.

1898.

Дозволено цензурою. Москва, 7 мая 1898 года.

Международный конгрессъ на Волыни въ XV столѣтіи.

Больше чѣмъ какая-либо другая наука, исторія доказываетъ намъ на каждомъ шагу справедливость парадокса что ново въ жизни человѣчества только то что̀ хорошо забыто. Еще сравнительно не такъ давно въ области исторіи международныхъ отношеній считалось, напримѣръ, аксіомой что XVII вѣкъ съ его Гуго Гроціемъ, этимъ „отцомъ науки международнаго права“, и со знаменитымъ Вестфальскимъ конгрессомъ 1648 года, является какою-то непереступаемою гранію за которою въ среднихъ вѣкахъ нельзя уже искать какихъ бы то ни было слѣдовъ извѣстнаго правопорядка, извѣстныхъ юридическихъ началъ въ международной жизни, а тѣмъ менѣе какихъ-нибудь попытокъ научнаго ихъ выраженія. И вотъ современная историко-юридическая наука рѣшается утверждать что было бы по меньшей мѣрѣ наивно — или даже, говоря словами Маколея: „narrow-minded“ — сказать разъ навсегда этому средневѣковію „anathema sit“ и съ облегченнымъ сердцемъ отказаться отъ изученія интереснѣйшей эпохи перехода отъ древности къ новому времени.

Современная наука, стремясь вездѣ и всюду воздавать каждому по заслугамъ, судитъ и средніе вѣка съ большею объективностью чѣмъ французскіе энциклопедисты прошлаго вѣка слишкомъ еще напуганные „желѣзными масками“ и lettres de cachet такъ-называемаго ancien régime'а XVI — XVIII вѣковъ не имѣющаго, однако, ничего общаго съ феодально-рыцарскимъ средневѣковьемъ XI — XV столѣтій. Историческая критика нашего времени, не скрывая, конечно, темныхъ сторонъ этой эпохи дѣтства и юности европейскаго общества, отдаетъ справедливость и ея блестящимъ сторонамъ, съ особеннымъ вниманіемъ начиная изучать тѣ оригинальныя

экономическія и нравственныя основы средневѣковаго строя которыя выдѣляютъ его въ такой характерный, цѣльный культурно-историческій типъ и которыя по своей крѣпости и устойчивости превосходятъ, конечно, во сто кратъ далеко не уравновѣшенный и, кажется, нѣсколько шатающійся экономическій и нравственный строй современной намъ Европы.

Въ частности относительно строя международнаго тогдашняго западно-европейскаго міра изученіе средневѣковія привело также къ необходимости отказаться отъ традиціоннаго игнорированія „до-гроціевой" эпохи. Благодаря изслѣдованіямъ цѣлаго ряда талантливыхъ и трудолюбивыхъ ученыхъ—напримѣръ, изъ нашихъ современниковъ Nys, Maulde-la-Clavière, Lainé, Rivier и пр.—оказалось что съ точки зрѣнія исторіи международныхъ отношеній средніе вѣка (въ тѣсномъ смыслѣ XI—XVI столѣтія) представляютъ картину во всякомъ случаѣ *не* болѣе мрачную чѣмъ XVI—XVIII столѣтія; это—эпоха сначала кровавыхъ религіозныхъ войнъ, а затѣмъ—самаго грубаго эгоизма королей и господства меркантилизма въ политикѣ. Оказалось что „отецъ" науки международнаго права имѣетъ, въ свою очередь, не мало научныхъ „предковъ" въ предыдущей эпохѣ—такъ-называемыхъ „предшественниковъ" Гуго Гроція, почтенныя имена которыхъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла воскресли теперь изъ своего забвенія — изъ пыли XVI, XV, XIV, XIII вѣка... Оказалось далѣе что именно въ средніе вѣка уходятъ своими корнями многіе отдѣльные институты современнаго международнаго права,—что именно въ періодѣ XI—XVI вѣковъ слѣдуетъ искать зарожденія современнаго права войны и морскаго международнаго права, первой системы правъ нейтральныхъ и первыхъ призовыхъ судовъ, выдачи преступниковъ и такъ-называемаго международнаго права, права консульскаго и института постоянныхъ посольствъ. Подобно этимъ—какъ оказывается, очень старымъ—отраслямъ современнаго международнаго права, точно также и современная намъ практика международныхъ конгрессовъ и конференцій (родоначальникомъ которой обыкновенно считается знаменитый Вестфальскій конгрессъ 1648 г.) является не *новою,* а только хорошо забытою въ международной анархіи XVI и первой половины XVII вѣка.

Мы постараемся иллюстровать это положеніе любопытнымъ, особенно для Русскихъ, и малоизвѣстнымъ примѣромъ большаго международнаго конгресса собиравшагося у насъ на Волыни въ XV столѣтіи.

I.

Послѣднее столѣтіе западно-европейскаго средневѣковія, XV вѣкъ, безспорно представляетъ собою одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ историческомъ развитіи человѣчества. Это уже, несомнѣнно, эпоха перехода отъ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ къ новому времени: средневѣковыя формы быта, глубоко расшатанныя новыми потребностями, новымъ міросозерцаніемъ, перерождаются, весь культурно-соціальный строй среднихъ вѣковъ постепенно уступаетъ мѣсто новымъ общественнымъ, государственнымъ, международнымъ отношеніямъ.

Феодализмъ съ его системою децентрализаціи и натуральнаго хозяйства теряетъ подъ собою почву въ виду возрастающаго могущества центральной королевской власти и городовъ опирающихся на хозяйство денежное, на капиталъ. Рыцарство отступаетъ на задній планъ предъ грозными постоянными арміями съ ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Средневѣковая Римская имперія съ притязаніями ея Оттоновъ и Фридриховъ на міровое господство осталась лишь въ теоріи, будучи уничтожена консолидаціей отдѣльныхъ народностей въ крупныя независимыя національныя государства. Средневѣковое папство — папство Григоріевъ VII и Иннокентіевъ III, всевластно царившихъ и надъ тронами, и надъ совѣстію народныхъ массъ, — не въ состояніи уже больше бороться ни со стремленіями государей и народовъ къ полной политической самостоятельности, ни съ тѣмъ направленіемъ человѣческой мысли которое все настойчивѣе требуетъ общей реформы церкви и, въ концѣ концовъ, приведетъ къ реформаціи. Наконецъ, и столь тѣсно связанныя съ католицизмомъ средневѣковая наука и искусство также перерождаются: XV вѣкъ характеризуется уже не схоластикою, а гуманизмомъ, Гимабуэ и Джіотто смѣнены Микель-Анджело и Рафаэлемъ, вѣкъ миніатюръ—вѣкомъ книгопечатанія, однимъ словомъ, средніе вѣка — эпохой великихъ открытій и общаго Renaissance.

Это время всеобщаго „возрожденія“ не могло пройти безслѣдно и для международной жизни Европы. Періодъ господства мѣстныхъ интересовъ, едва объединенныхъ идеею принадлежности отдѣльныхъ общественныхъ группъ къ единой „обще-христіанской республикѣ“, —этотъ узкій международный строй феодальнаго періода среднихъ вѣковъ, постепенно перерождаясь со временъ крестовыхъ походовъ, окончательно пере-

ходитъ теперь (въ XV вѣкѣ) въ знакомую уже намъ картину оживленныхъ международныхъ сношеній, широкихъ политическихъ замысловъ, общеевропейскихъ интересовъ—однимъ словомъ, въ понятный уже намъ *современный* международный строй съ его концертомъ крупныхъ самостоятельныхъ государствъ, солидарныхъ въ качествѣ членовъ одной культурной семьи, но въ то же время вѣчно враждующихъ изъ-за политическаго преобладанія и „политическаго равновѣсія“ въ Европѣ.

Вотъ почему именно въ XV вѣкѣ, въ зависимости отъ усложняющихся потребностей международнаго оборота, впервые возникаетъ и институтъ постоянныхъ посольствъ (въ Италію), и обычай совмѣстнаго обсужденія сложныхъ международныхъ вопросовъ на особыхъ совѣщаніяхъ представителей нѣсколькихъ государствъ: именно въ эту эпоху, въ концѣ XIV и въ XV столѣтіи, мы находимъ первые и потому, конечно, еще очень несовершенные примѣры возникновенія современной намъ практики международныхъ конгрессовъ и конференцій.

Мы не имѣемъ здѣсь, однако, въ виду общеизвѣстныхъ большихъ средневѣковыхъ духовныхъ соборовъ всей западной Европы—въ родѣ, напримѣръ, Констанцскаго „сената христіанской Европы“ (какъ Вольтеръ назвалъ соборъ 1414—18 гг.). Эти съѣзды представителей католическаго Запада разбиравшіе, правда, не рѣдко и чисто свѣтскіе, политическіе вопросы—были, прежде всего, все-таки соборами *духовными;* съ другой стороны, они всегда остаются скорѣе примѣрами своеобразныхъ, чисто-средневѣковыхъ съѣздовъ нотаблей со всей тогдашней „Respublica christiana“ (признававшей еще надъ собою моральное главенство папы и императора), т. е. скорѣе какими-то обще-европейскими états généraux чѣмъ прототипами современныхъ намъ, чисто-свѣтскихъ, конгрессовъ и конференцій—этихъ спеціальныхъ съѣздовъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ независимыхъ государствъ для совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія вопросовъ международной политики и права.

Однако, именно и такіе, современнаго намъ, типа, съѣзды дипломатовъ были уже извѣстны, какъ оказывается, среднимъ вѣкамъ. Мы говоримъ о выработанныхъ международною практикой XIV—XV вѣковъ такъ-называемыхъ „journées“ которыя и нужно считать родоначальницами конференцій и конгрессовъ новаго времени. Такая „journées“ или „Tag“ представляла собою, говоря словами историка международныхъ отношеній въ исходѣ XV вѣка, Maulde-la-Clavière [1]), спеціально заранѣе под-

[1]) *R. de Maulde-la-Clavière.* La diplomatie au temps de Machiavel. P. 1893, t. III, p. 97 ss.

готовленный „congrès solennel et fastueux“ уполномоченныхъ заинтересованныхъ государствъ въ которомъ принимали участіе и послы третьихъ державъ, составляя своего рода „посредническій трибуналъ“ (tribunal ou aréopage de médiation). Примѣрами подобныхъ средневѣковыхъ конференцій, собиравшихся какъ для полюбовнаго разрѣшенія международныхъ столкновеній, такъ и для заключенія мира, наполненъ весь XIV и XV вѣкъ, при чемъ эти journées принимаютъ иногда размѣры настоящихъ большихъ международныхъ конференцій нашего времени. Сошлемся въ видѣ примѣра хотя бы на описанный въ современныхъ мемуарахъ Olivier de la Marche конгрессъ дипломатовъ въ Arras, въ 1435 году, когда для заключенія мира между Англіей и Франціей съѣхались представители почти всѣхъ государствъ тогдашней (западной) Европы, послы не только королей Франціи и Англіи, но также императора и папы, всѣхъ испанскихъ и италіянскихъ государей, королей датскаго, польскаго и проч. [1]).

На средневѣковыя „journées“ могли съѣзжаться, такимъ образомъ, уполномоченные весьма значительнаго количества заинтересованныхъ державъ, превращая эти съѣзды дипломатовъ того времени въ настоящіе общеевропейскіе конгрессы и конференціи современнаго намъ типа. Разница лишь въ томъ что только государи *принципіально* не участвуютъ въ этихъ съѣздахъ: ничего подобнаго Вѣнскому конгрессу государей 1815 года, скажутъ намъ, не найти все-таки въ XV вѣкѣ!

И дѣйствительно, говоря вообще, конецъ среднихъ вѣковъ—XIV и въ особенности XV столѣтіе—не благопріятствовалъ личнымъ переговорамъ и свиданіямъ государей. Въ силу цѣлаго ряда разнообразныхъ культурно-историческихъ условій послѣдній періодъ средневѣковья представляетъ собою въ области личныхъ отношеній между государями несомнѣнное ухудшеніе, регрессъ сравнительно съ предыдущей эпохою. Впечатлѣніе произведенное знаменитымъ убійствомъ на мосту Montereau (1419 г., когда Іоаннъ Бургундскій былъ убитъ при свиданіи съ дофиномъ, будущимъ королемъ Карломъ VII) не могло изгладиться въ продолженіе всего XV вѣка, и, конечно, не подлежитъ сомнѣнію что конецъ среднихъ вѣковъ — съ его Людовикомъ XI вмѣсто Людовика Св. и „государемъ“ Макіавели вмѣсто типа королей-рыцарей добраго Фруассара—представлялъ собою слишкомъ ненадежную почву для личныхъ перегово-

---

[1]) См. *E. Nys.* Les origines du droit international (P. 1894), pp. 267, 268.

ровъ и свиданій между коронованными особами. Такія, рѣдкія въ тѣ времена, свиданія и оканчивались обыкновенно неудачею и ухудшеніемъ взаимныхъ отношеній, и не даромъ тонкій наблюдатель нравовъ своего вѣка Commines, посвятившій цѣлую главу своихъ мемуаровъ вопросу о свиданіяхъ государей, настоятельно рекомендуетъ королямъ своего времени, если только они желаютъ жить въ мирѣ другъ съ другомъ, избѣгать вообще личныхъ свиданій и лучше посылать для переговоровъ „bonnes gens et sages“, т. е., другими словами, устраивать „journées“ уполномоченныхъ.

Но если таково было общее правило, то бывали все-таки и блестящія исключенія, и если средневѣковая исторія знаетъ, какъ мы видѣли, своего рода прототипъ Вестфальскаго конгресса дипломатовъ 1648 года (Аррасскія конференціи 1435 г.), то въ тѣхъ же среднихъ вѣкахъ можно найти интересный прецедентъ и для Вѣнскаго конгресса государей 1815 года—примѣръ настоящаго большаго международнаго конгресса по первостепеннымъ вопросамъ общеевропейской политики. Таковъ былъ происходившій за 6 лѣтъ до Аррасскаго съѣзда дипломатовъ и созванный на другомъ концѣ Европы, по дѣламъ средней и восточной ея полосы, *конгрессъ государей въ Луцкѣ въ 1429 году* [1]).

---

[1]) Луцскій съѣздъ остался почему-то почти незамѣченнымъ въ исторической и историко-юридической литературѣ. Не говоря уже объ иностранныхъ историкахъ-спеціалистахъ международнаго права которые совершенно его не знаютъ, даже наши историки почти-что его игнорируютъ. Карамзинъ и Соловьевъ едва его упоминаютъ (первый только въ примѣчаніяхъ); болѣе подробный разказъ—только у Чешихина (*Исторія Ливоніи* III, 60 сл.) и А. Барбашева (*Витовтъ*. Послѣднія 20 лѣтъ княженія, 239 сл.). Въ иностранной литературѣ можно отмѣтить спеціальную маленькую статью Faber'а во II томѣ стараго сборника: *Beiträge zur Kunde Preussens* (1819) и сравнительно болѣе подробные разказы у Voigt въ VII томѣ его извѣстной *Geschichte Preussens*, а изъ новѣйшихъ историковъ—у *Prochaska (Ostatnie lata Witolda)* и у Sewicki (*Ein Blick in die Politik König Sigmunds gegens Polen*). Существуетъ однако богатый, современный съѣзду, документальный и лѣтописный матеріалъ: таковы разные, касающіеся съѣзда акты, опубликованные въ краковскихъ *Monumenta medii aevi historica* (особенно въ томахъ VI, XI, XII), изъ лѣтописей же—Стрыковскій, Даниловичъ, Быховецъ и др , а въ особенности извѣстный Іоаннъ Длугошъ котораго мы главнымъ образомъ и имѣли въ виду при нашемъ изложеніи.

II.

Какія же условія международной жизни, спрашивается, прежде всего могли вызвать болѣе чѣмъ четыре съ половиною вѣка тому назадъ этотъ странный, на первый взглядъ, съѣздъ государей и дипломатовъ въ далекомъ, незначительномъ городкѣ теперешней Волынской губерніи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ въ политическомъ состояніи средней и восточной Европы въ первой половинѣ XV столѣтія. Оно представляло въ то время приблизительно слѣдующую картину:

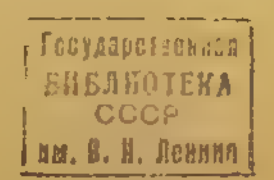
Между тѣмъ какъ для крайняго запада Европы весь интересъ международной политики сосредоточивался на все еще продолжающейся упорной борьбѣ между Франціей и Англіей, все вниманіе центрально-восточной полосы Европы было поглощено цѣлымъ рядомъ не менѣе важныхъ, капитальныхъ политическихъ вопросовъ, то или другое направленіе которыхъ оказало самое глубокое вліяніе на все послѣдующее развитіе международныхъ отношеній и политики государствъ восточной Европы *даже до нашего времени*. Эти вопросы распадаются на три основныхъ группы, на три основныхъ политическихъ проблемы средней и восточной Европы въ XV столѣтіи.

Таковъ былъ прежде всего *вопросъ объ общеевропейской борьбѣ съ Турками* которые охватили тогда какъ желѣзнымъ кольцомъ жалкіе остатки Византійской имперіи (до взятія Константинополя оставалось всего 25 лѣтъ) и неудержимо надвигались все къ сѣверу — на Венгрію и Римско-германскую имперію. Съ этимъ вопросомъ былъ тѣсно связанъ вновь поставленный тогда на очередь *вопросъ о соединеніи церквей* носившій въ XV вѣкѣ, какъ извѣстно, почти исключительно политическій характеръ: соглашаясь на извѣстное подчиненіе римскому первосвященнику, Византія имѣла въ виду, какъ это доказываетъ вся исторія такъ-называемой флорентійской уніи (1439 г.), главнымъ образомъ лишь политическую поддержку Запада противъ Турокъ.

Рядомъ съ этимъ „восточнымъ вопросомъ" стоялъ вѣковой уже въ тѣ времена *вопросъ о политическомъ преобладаніи германскаго или славянскаго племени* который выражается тогда, съ одной стороны, въ упорной борьбѣ соединенныхъ Польши и Литвы съ Тевтонскимъ орденомъ въ Пруссіи и Ливоніи [1]),

---

[1]) Ко времени Луцкаго съѣзда эта борьба на время пріостановилась благодаря мирному договору 1422 года.

а съ другой—въ извѣстной Гуситской войнѣ (1419—1433) представлявшей собою, какъ извѣстно, движеніе не только религіозное (противо-католическое) и соціальное (демократическое), но также и національное (анти-нѣмецкое). Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно тому какъ съ турецкими дѣлами былъ связанъ вопросъ о соединеніи церквей, такъ гуситское движеніе настойчиво напоминало жгучій *вопросъ о* неудавшейся Констанцскому собору *реформъ Западной Церкви* (Базельскій соборъ еще не былъ созванъ).

Наконецъ, въ-третьихъ, эти двѣ капитальныя группы политическихъ задачъ усложнялъ еще выдвинутый уже внутреннею жизнію славянскихъ народовъ на первый планъ *вопросъ о гегемоніи внутри самой славянской семьи*, то-есть, другими словами, *о преобладаніи Поляковъ или Русскихъ*,—вопросъ выражавшійся въ то время въ упорномъ стремленіи самаго выдающагося и могущественнаго въ эту эпоху представителя русскаго племени, великаго князя Литовскаго и Русскаго Витовта, расторгнуть только-что соединенныя (1386 бракъ Ягелло и Гедвиги, 1413 Городельскій сеймъ) Литву и Польшу и образовать изъ Литвы и Руси сильное, вполнѣ независимое *королевство*.

Не трудно видѣть что каждая изъ этихъ трехъ большихъ группъ основныхъ международныхъ вопросовъ того времени представляла изъ себя политическую задачу первостепенной важности для всего комплекса государствъ средней и восточной Европы — для Германіи, Венгріи, Богеміи, Тевтонскаго ордена, Польши, Литвы съ западною Русью, даже для Руси московской и, наконецъ, для всего Балканскаго полуострова. Не трудно также представить себѣ какою сложною сѣтію разнообразныхъ политическихъ плановъ и разчетовъ, противоположныхъ, перекрещивающихся интересовъ должны были быть опутаны всѣ эти государства въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Такъ, напримѣръ, императоръ Римской имперіи (Сигизмундъ) въ качествѣ главы всего западнаго христіанства и какъ король венгерскій, задумывавшій общеевропейскій походъ противъ Турокъ, могъ бы, казалось, только радоваться усиленію Польши черезъ ея унію съ могущественнымъ литовско-русскимъ княжествомъ, — а между тѣмъ онъ же какъ глава германизма долженъ былъ стараться для ослабленія славянства разъединить эти два государства и не дать чрезмѣрно усилиться своему сосѣду, польскому королю. Въ свою очередь, этотъ послѣдній (Владиславъ-Ягелло) какъ представитель сла-

вянской державы сочувствовалъ анти-нѣмецкому движенію Гуситовъ, но какъ вѣрный сынъ католической церкви долженъ былъ покорно прислушиваться къ проповѣди папы о скорѣйшемъ истребленіи этихъ еретиковъ. Далѣе, великій князь литовскій (Витовтъ), старшій врагъ Нѣмецкаго ордена и черезъ него его сюзерена императора, — долженъ былъ однако искать ихъ поддержки противъ своего же родича и единоплеменника Ягелло только для того чтобъ уничтожить результатъ Городельскаго сейма и вернуть сильной православной западной Руси жизнь вполнѣ самостоятельную и независимую отъ слабѣющей уже Польши. А вопросы о реформѣ Западной Церкви, о „примиреніи“ ея съ Византіей которой съ часа на часъ уже грозило взятіе Турками,—еще болѣе запутывали политическія комбинаціи и международныя отношенія государствъ средней и восточной Европы.

Распутать мирнымъ путемъ этотъ рядъ гордіевыхъ узловъ было мыслимо лишь на общемъ совѣщаніи, при общемъ взаимномъ компромиссѣ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ и разъ этимъ сознаніемъ проникласъ цѣлая группа правительствъ, не доставало только иниціативы какого-нибудь энергичнаго монарха чтобы первый большой международный конгрессъ Европы былъ созванъ.

Такую иниціативу взялъ на себя могущественный Витовтъ какъ ближайшимъ образомъ заинтересованный въ рѣшеніи послѣдняго изъ намѣченныхъ выше вопросовъ того времени. Достигнуть съ согласія всего европейскаго концерта и съ санкціей моральнаго главы католической Европы, императора (Витовтъ былъ уже католикомъ), отдѣленія Литвы и западной Руси отъ Польши и превращенія ихъ въ независимое королевство—таково было главное, затаенное желаніе Витовта, когда по предварительному соглашенію съ императоромъ онъ разослалъ приглашенія на грандіозный международный съѣздъ назначенный на начало января 1429 года въ его любимое мѣстопребываніе—Луцкъ на Волыни. Офиціальнымъ поводомъ для созыва конгресса послужили первый и второй изъ указанныхъ общихъ политическихъ вопросовъ: всеобщая война съ Турками и гуситскія дѣла должны были привлечь въ далекій, неизвѣстный городъ литовской Руси государей и пословъ со всей средней и восточной Европы.

III.

Дѣйствительно, въ послѣднихъ числахъ января 1429 года въ Луцкѣ собрались представители всѣхъ заинтересованныхъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ государствъ. Во главѣ ихъ стояли явившіеся въ Луцкъ лично въ сопровожденіи многочисленной свиты великій князь литовскій и русскій Витовтъ, король польскій Владиславъ-Ягелло и самъ „глава" романо-германскаго міра, король римскій и германскій Сигизмундъ [1]) который, будучи въ то же время королемъ венгерскимъ и богемскимъ, привезъ съ собою цѣлый рядъ представителей этихъ двухъ королевствъ. Далѣе пословъ прислали: папа, императоръ византійскій, король датскій, великіе магистры Тевтонскаго ордена въ Пруссіи и Ливоніи, господарь молдавскій. Здѣсь же присутствовали, наконецъ, разные болѣе мелкіе литовскіе и русскіе князья, герцоги мазовецкіе и пр. По нѣкоторымъ—впрочемъ мало достовѣрнымъ—извѣстіямъ (напр. по Кояловичу) въ Луцкъ пріѣхали, будто бы, кромѣ того, еще великій князь московскій Василій (явившійся вмѣстѣ съ митрополитомъ Фотіемъ), Борисъ Тверской, князья рязанскіе и сѣверскіе, даже ханъ перекопскій, а король датскій, великіе магистры ливонскій и прусскій и господарь молдавскій явились на съѣздъ, будто бы, лично [2]).

Примѣровъ такого блестящаго дипломатическаго конгресса, конечно, еще не знало средневѣковье, и современный лѣтописецъ не даромъ восклицаетъ что „никто еще не видѣлъ и долго еще не увидитъ такого великолѣпнаго съѣзда трехъ такихъ знаменитыхъ государей" [3]).

И дѣйствительно, все было сдѣлано чтобы произвести возможно болѣе сильное впечатлѣніе на современниковъ. Съѣхавшіеся монархи соперничали другъ передъ другомъ своимъ бле-

---

[1]) Сигизмундъ тогда не былъ еще коронованъ въ Римѣ и потому по обычаю офиціально титуловался собственно лишь „королемъ" Римлянъ. Императоромъ мы его называемъ по общепринятой терминологіи обозначающей этимъ титуломъ всѣхъ избранныхъ королей германскихъ въ средніе вѣка.

[2]) Какъ это доказалъ *Faber* (см. объ его статьѣ выше), нѣкоторые лѣтописцы спутали здѣсь нашъ „международный конгрессъ" въ Луцкѣ съ бывшимъ въ слѣдующемъ (1430) году съѣздомъ государей на предполагавшееся коронованіе Витовта въ Вильнѣ. Длугошъ прямо говоритъ о съѣздѣ (въ Луцкѣ) только трехъ государей.

[3]) *Ioh. Dlugossi.* Historiae Polonicae lib. XI, p. 514 (по изданію Lipsiae 1711 fol.).

скомъ и великолѣпіемъ, многочисленностію и пышностію своей свиты. Особенною торжественностію отличался въѣздъ въ Луцкъ императора Сигизмунда. И самъ хозяинъ, великій князь литовскій, и король польскій выѣхали далеко за городъ на встрѣчу императорскому кортежу и присоединились къ нему. Огромныя массы народа — бѣдные крестьяне съ Волыни которымъ никогда еще и не снились такія чудеса — сбѣжались отовсюду посмотрѣть на невиданное зрѣлище: впереди всѣхъ, окруженный блестящею свитою, ѣхалъ ихъ литовско-русскій князь Витовтъ, за нимъ торжественно подвигался верхомъ, имѣя рядомъ съ собою епископа краковскаго (знаменитаго въ исторіи Польши Сбигнѣва Олесницкаго), самъ глава „urbis et orbis", „вселенскій" императоръ и король венгерскій и чешскій Сигизмундъ, далѣе слѣдовала его супруга, императрица Варвара, сидя въ разукрашенной колесницѣ съ королемъ польскимъ. Наконецъ, шествіе замыкалось многочисленною императорскою свитой — нѣмецкими, венгерскими, чешскими вельможами—и цѣлымъ сонмомъ представителей духовной и свѣтской знати изъ Польши, Руси и Литвы — „praelati, principes, barones nobilesque Poloniae, Russiae et Lituaniae", какъ говоритъ Длугошъ.

Послѣ торжественнаго въѣзда императора въ Луцкъ начались засѣданія конгресса длившіяся двѣ недѣли и чередовавшіяся съ разными празднествами, пиршествами и пр. По разказамъ лѣтописцевъ, на эти пиры и вообще на содержаніе гостей литовскаго князя отпускалось ежедневно по 700 бочекъ меда, кромѣ вина и пива, по 700 быковъ, 1.400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ! Эти пиршества не мѣшали, однако, дѣлу, и засѣданія конгресса шли своимъ порядкомъ. По примѣру поданному Констанцскимъ соборомъ (гдѣ депутаты были раздѣлены по „націямъ"), они происходили по отдѣльнымъ заламъ: каждый изъ трехъ государей явившихся лично на конгрессъ имѣлъ особую палату, гдѣ и засѣдалъ подъ его предсѣдательствомъ „совѣтъ" взятыхъ имъ съ собою магнатовъ и государственныхъ людей. Сношенія и переговоры между этими отдѣльными „коммиссіями" конгресса велись черезъ посылаемыя другъ къ другу депутаціи. Тѣмъ же способомъ переговоровъ должны были пользоваться остальныя явившіяся безъ владѣтельныхъ особъ посольства. Общія собранія всѣхъ трехъ государей и всего конгресса происходили лишь въ особыхъ, торжественныхъ случаяхъ.

IV.

Открылись засѣданія конгресса переговорами по первому изъ упомянутыхъ нами выше, именно по *турецкому* вопросу. Со стороны императора Сигизмунда — котораго какъ короля германскаго и еще болѣе какъ короля венгерскаго ближе другихъ интересовала мысль объ организаціи новыхъ крестовыхъ походовъ, объ общеевропейской борьбѣ съ Турками — былъ выставленъ прежде всего рядъ предложеній касавшихся этого „восточнаго вопроса“ того времени. Ранѣе другихъ стоялъ тутъ на очереди спеціальный вопросъ о молдавскихъ дѣлахъ. Съ нихъ-то и начались переговоры Сигизмунда и его нѣмецкихъ, венгерскихъ и чешскихъ совѣтниковъ съ засѣдателями польской камеры конгресса.

Подробно обосновывая свое мнѣніе императоръ указалъ прежде всего на Молдавію какъ на совершенно отрицательный факторъ въ задуманной имъ общеевропейской войнѣ съ Турками и потому предлагалъ совершенно покончить съ самостоятельнымъ существованіемъ этого княжества. Еще въ послѣднюю его экспедицію противъ Турокъ — говорилъ Сигизмундъ — Валахи отказали ему въ своей помощи, да и, кромѣ того, это вообще какое-то разбойничье государство, своего рода общій врагъ всего международнаго союза, привыкшій жить воровствомъ и грабительствомъ: „Valachiae gens — universis communis hostis, furto et spolio solita vivere!“ Въ виду этого императоръ предлагалъ польскому правительству предпринять въ ближайшее лѣто совмѣстный походъ противъ молдаво-волошскихъ князей и, завоевавъ все государство, раздѣлить его затѣмъ между собою. Несмотря, однако, на то что относительно подобной экспедиціи и раздѣла Молдавіи было уже раньше заключено соглашеніе между Сигизмундомъ и Владиславомъ (договоръ въ Либло, 1412 г.), предложенія императора были встрѣчены очень неблагопріятно въ польскомъ „consilium“ конгресса. Ему отвѣчали что выставляемыя имъ основанія для раздѣла Молдавіи безусловно не основательны. Такъ, прежде всего, обвинять Валаховъ въ неоказаніи ему помощи нельзя по той причинѣ что такая помощь была ими послана императору и ожидала его въ назначенное время и въ назначенномъ мѣстѣ, откуда ушла лишь послѣ двухмѣсячнаго напраснаго ожиданія Сигизмунда [1]), слѣдовательно, вина въ дан-

[1]) Имп. Сигизмундъ отличался своимъ обыкновеніемъ всюду постоянно опаздывать. Въ Луцкѣ онъ также опоздалъ на двѣ недѣли.

номъ случаѣ лежитъ исключительно на самомъ императорѣ. Что же касается обвиненія Валаховъ въ разбойничествѣ, то вѣдь нельзя же цѣлое государство заставить платиться за преступленія отдѣльныхъ его подданныхъ. Да и кромѣ того весь вопросъ о Молдавіи дѣло исключительно польской политики, такъ какъ это княжество признано леномъ Польши, и слѣдовательно Валахи какъ „obedientiam et subjectionem praestantes" королю польскому,—не болѣе какъ вассалы его короны. Въ виду всего этого нападать на Молдавію—такое же христіанское государство какъ всякое другое — было бы противно всякому праву, „non aequum", и Польша категорически отказываетъ Сигизмунду въ своемъ согласіи на его проектъ. Несмотря на дальнѣйшія попытки Сигизмунда склонить Поляковъ къ своему предложенію, Владиславъ остался при своемъ мнѣніи; въ этомъ смыслѣ и былъ данъ императору окончательный отвѣтъ въ присутствіи молдаванскихъ пословъ.

Вѣроятно подъ вліяніемъ такого неблагопріятнаго начала переговоровъ по восточному вопросу Сигизмундъ потерпѣлъ неудачу и по общему вопросу о совмѣстной войнѣ противъ Турокъ: польскіе дипломаты очень вѣжливо высказали свои добрыя пожеланія успѣха оружію императора и его будущихъ союзниковъ противъ невѣрныхъ, но въ помощи Польши отказали, боясь, какъ они говорили, навлечь всѣ турецкія полчища сразу и прежде всего на Польшу.

Велись, наконецъ, Сигизмундомъ въ виду все той же грандіозной борьбы съ Турками переговоры съ послами нѣмецкаго ордена объ основаніи особой его вѣтви на Дунаѣ въ качествѣ постоянной военной колоніи для защиты отъ Турокъ, но и изъ этого, какъ извѣстно, ничего не вышло.

Болѣе успѣшными должны были оказаться, какъ можно было думать, переговоры по второму изъ указанныхъ выше крупныхъ международныхъ вопросовъ — по вопросу о *возстаніи Гусситовъ*. Если здѣсь Сигизмундъ являлся врагомъ Чеховъ и въ качествѣ короля Богеміи не признавшаго его возставшими подданными, и въ качествѣ перваго представителя нѣмецкаго элемента, противъ котораго равнымъ образомъ было направлено движеніе Славянъ-Гусситовъ,—то Владиславъ и Витовтъ, хотя и славянскіе государи, могли все-таки поддерживать императора въ этой борьбѣ какъ католики, какъ преданные сыны церкви, права которой были такъ жестоко попраны еретиками-Гусситами. Въ этомъ направленіи и старались дѣйствовать въ Луцкѣ и императоръ, и папа серіозно испуганные все боль-

шими успѣхами еретическихъ чешскихъ вождей (которые какъ разъ въ это время жестоко опустошали Силезію). Римскій первосвященникъ даже прислалъ въ Луцкъ со своимъ легатомъ, магистромъ богословія Грекомъ Андреемъ (который особенно славился своимъ умомъ и дипломатическимъ искусствомъ), спеціальное длинное посланіе на имя короля польскаго убѣждавшее Ягелло и Витовта также поднять оружіе на Гусситовъ— враговъ церкви Христовой [1]). Но и тутъ не помогло никакое краснорѣчіе.

Поляки Владислава, Литовцы и Русскіе Витовта очевидно инстинктивно чувствовали что здѣсь дѣло идетъ не только о религіозномъ, но и о національномъ вопросѣ, и оба государя не пошли далѣе того о чемъ условился Ягелло съ Сигизмундомъ еще пять лѣтъ тому назадъ [2]): соблюдать нейтралитетъ и не поддерживать претендентовъ на чешскую корону. На формальныя же жалобы Сигизмунда что Гусситовъ все-таки поддерживаютъ изъ Польши и Литвы ему довольно холодно отвѣчали что ни то ни другое правительство не принимаетъ въ этомъ никакого участія, выходу же частныхъ лицъ въ Чехію, въ качествѣ добровольцевъ, препятствуютъ по мѣрѣ возможности. Чтобы доказать, впрочемъ, искренность своего желанія соблюдать полный нейтралитетъ въ этомъ дѣлѣ польское правительство согласилось, по особенному желанію Сигизмунда, отозвать изъ Чехіи Поляка Пухалу и заставить его вознаградить императора за убытки.

Таковы были переговоры по вопросамъ турецкому и гусситскому. О вопросахъ, какъ мы говорили, тѣсно съ ними связанныхъ — о *соединеніи церквей* и о *реформѣ Западной церкви* также заходила рѣчь на конгрессѣ въ Луцкѣ. На торжественномъ общемъ собраніи всѣхъ трехъ монарховъ и всего конгресса императоръ Сигизмундъ обратился, какъ разказываетъ Длугошъ, съ формальнымъ требованіемъ къ папѣ созвать, наконецъ, новый вселенскій соборъ для возстановленія мира въ церкви. Императоръ имѣлъ въ виду при этомъ не только возвращеніе въ лоно католичества отпавшихъ отъ него гусситовъ, но и общую реформу Западной церкви и даже возсоединеніе ея съ церковію греко-россійскою. Однако далѣе простаго выслушанія рѣчи Сигизмунда на конгрессѣ дѣло по этимъ вопросамъ вовсе не пошло, и грозныя требованія императора (ко-

---

[1]) Этотъ документъ приводится in extenso у Длугоша. XI, 522, 523.

[2]) Въ 1424 году въ Краковѣ, когда Сигизмундъ пріѣзжалъ присутствовать при коронованіи 4-й жены Ягелло, княжны Софіи Ольшанской.

торый угрожалъ, въ случаѣ несогласія папы, созвать соборъ собственною властію) оказались развѣ лишь косвеннымъ, отдаленнымъ толчкомъ для собранія черезъ два года знаменитаго Базельскаго собора и для открытія переговоровъ съ православною Византіей закончившихся „флорентійскою уніей“ 1439 года. Въ виду этого послѣдняго событія, историку любопытно лишь, можетъ-быть, отмѣтить то чрезвычайно интересное мѣсто въ вышеуказанной рѣчи Сигизмунда на Луцкомъ съѣздѣ гдѣ онъ рѣшился, говоря о соединеніи церквей Восточной и Западной, слѣдующими словами доказать возможность такой уніи: „Они (православные), такъ буквально сказалъ императоръ,—исповѣдуютъ совершенно ту же вѣру что и мы отличаясь отъ насъ только бородами да женами (ихъ священниковъ). Но вѣдь этого никакъ нельзя поставить имъ въ упрекъ, продолжалъ Сигизмундъ,—ибо греческіе священники довольствуются одною женой, тогда какъ латинскіе держатъ ихъ по десяти и болѣе“ [1])! Легко представить себѣ какое впечатлѣніе должны были произвести эти слова „владыки міра“ и свѣтскаго главы западнаго христіанства—слова произнесенныя предъ лицомъ цѣлаго конгресса представителей со всей средней и восточной Европы, въ присутствіи множества православныхъ (литовско-русскихъ и византійскихъ) князей и вельможъ! Скандализованный правовѣрный католикъ - лѣтописецъ не даромъ тотчасъ же прибавляетъ съ укоризной по адресу главы католическаго міра: „Смутила эта рѣчь Русскихъ живущихъ по греческому обряду и утвердила ихъ въ заблужденіяхъ. И стали они вслѣдствіе этого звать короля Сигизмунда святымъ (sic!), потому что онъ доказывалъ что вѣра Грековъ лучше вѣры Латинянъ“.

Но какъ бы ни были интересны такіе отдѣльные факты изъ исторіи Луцкаго съѣзда, мы видимъ, въ общемъ, что по основнымъ международнымъ вопросамъ послужившимъ поводомъ къ его созванію не было достигнуто желательнаго соглашенія. Остается посмотрѣть какая судьба выпала на немъ на долю третьей крупной политической проблемы того времени которая и занимала главнымъ образомъ иниціатора конгресса великаго князя Витовта.

Для него и война съ Турками, и гусситское возстаніе, и реформа Западной церкви, и унія ея съ Восточною имѣли лишь второстепенное значеніе сравнительно съ вопросомъ, такъ сказать, внутренней славянской политики — съ вопросомъ о гегемоніи польскаго или русско-литовскаго государ-

---

[1]) *Dlugossi*, ibid., 515.

ства среди семьи восточныхъ Славянъ. Умный, могущественный и честолюбивый русско-литовскій князь уже давно понялъ всю ошибку своей прежней политики приведшей къ новому подтвержденію соединенія Литвы съ Польшею на Городельскомъ сеймѣ (1413), т. е., другими словами,—къ подчиненію Русскихъ Полякамъ, православія—католицизму, его собственнаго трона—сюзеренитету польскаго короля. Онъ понялъ что такая политика можетъ вести лишь къ гибели его державы какъ самостоятельнаго организма, и всѣ его стремленія были теперь направлены къ тому чтобы вновь оторвать Литву и западную Русь отъ Польши, превратить свое государство въ совершенно независимую державу, а себя изъ вассала Ягелло — въ самодержавнаго, равнаго ему, *короля* литовскаго и русскаго. Встрѣтивъ сильную поддержку своимъ планамъ въ императрицѣ и Тевтонскомъ орденѣ которымъ могло быть, конечно, только пріятно разъединеніе силъ Польши и Литвы, Витовтъ и надѣялся покончить съ этимъ вопросомъ принятіемъ въ Луцкѣ королевскаго титула (по обычаю среднихъ вѣковъ, съ соизволенія „универсальнаго“ императора) и церемоніей коронованія какъ внѣшнимъ, всѣмъ понятнымъ, знакомъ своей полной независимости отъ Польши. Какъ же оправдалъ Луцкій конгрессъ его ожиданія?

Переговоры по этому вопросу началъ императоръ Сигизмундъ спачала въ частной бесѣдѣ съ королемъ польскимъ къ которому, для отвлеченія всякаго подозрѣнія въ чрезвычайной важности этого дѣла, онъ явился даже въ сопровожденіи императрицы. Эта успокоительная внѣшняя форма приданная начатымъ переговорамъ не обманула, однако, Ягелло. Онъ далъ императору уклончивый отвѣтъ заявивъ что не можетъ рѣшить столь важнаго дѣла одинъ, безъ предварительнаго совѣщанія со своимъ совѣтомъ. Результатъ же этого совѣщанія на которое явился лично и Витовтъ оказался совершенно неблагопріятнымъ для литовскаго князя. Если еще первый членъ королевскаго совѣта говорившій по этому затронутому Сигизмундомъ и Витовтомъ вопросу, архіепископъ гнѣзненскій Альбертъ, и не рѣшился высказаться опредѣленно ни *за*, ни *противъ* коронованія литовскаго князя, то уже слѣдующая рѣчь—рѣчь знаменитаго Сбигнѣва Олесницкаго, епископа краковскаго,—не оставляла сомнѣнія что вопросъ о коронованіи Витовта переведенъ на его настоящую почву, сведенъ къ вопросу объ отдѣленіи Литвы отъ Польши. Эта рѣчь была грозною филиппикой противъ тайныхъ замысловъ Витовта,—

того самаго Витовта, говорилъ Олесницкій,—который участвовалъ въ Городельскомъ соглашеніи 1413 года и который теперь идетъ противъ своихъ же собственныхъ обѣщаній и клятвъ. Прелаты и вельможи, члены королевской рады, шумно поддержали польскаго патріота, и глубоко задуманный планъ литовскаго князя долженъ былъ рухнуть. Витовту оставалось только гнѣвно удалиться изъ залы засѣданія со словами угрозы на устахъ.

Но встревоженные его замыслами Поляки на этомъ не успокоились. Осыпая своего короля упреками въ потворствѣ Витовту и въ дружбѣ съ Сигизмундомъ, заклятымъ врагомъ Польши, они взяли съ Ягелло обѣщаніе никогда, ни подъ какимъ видомъ не соглашаться на коронованіе Витовта и даже вынудили его немедленно вернуться въ Польшу. Поспѣшно собравшись въ путь король со своими магнатами неожиданно оставилъ Луцкъ...

Неудача этихъ послѣднихъ переговоровъ о королевскомъ вѣнцѣ Витовта и объ отдѣленіи литовско-русскаго государства отъ Польши разстроила весь конгрессъ, и вслѣдъ за Владиславомъ, послѣ еще пяти дней празднествъ, уѣхалъ изъ Луцка и императоръ условясь съ Витовтомъ отложить его коронованіе. Остальнымъ членамъ конгресса не оставалось ничего другаго какъ послѣдовать примѣру обоихъ коронованныхъ гостей литовскаго князя и разъѣхаться по домамъ. Такъ окончился этотъ большой международный конгрессъ созванный почти за 470 лѣтъ до нашего времени въ затерявшемся на картѣ „Luczk in Reussen“, какъ его называетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ императоръ Сигизмундъ.

V.

Первый опытъ дипломатическихъ переговоровъ въ широкихъ размѣрахъ на большомъ международномъ конгрессѣ при личномъ участіи государей не увѣнчался, такимъ образомъ, успѣхомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ, такъ-сказать случайно попавшихъ на разсмотрѣніе конгресса (напримѣръ, вопросъ о столкновеніи между Даніей и Ганзейскими городами, рѣшенный въ благопріятномъ для Даніи смыслѣ),—обсужденіе основныхъ, капитальныхъ вопросовъ тогдашней международной политики не привело ровно ни къ какимъ результатамъ. Компромисса, необходимаго со всѣхъ сторонъ для успѣшнаго разрѣшенія международныхъ вопросовъ

путемъ переговоровъ, не было достигнуто въ Луцкѣ, и государи и послы выказали себя на этомъ международномъ конгрессѣ гораздо менѣе уступчивыми чѣмъ на обыкновенныхъ въ то время „journées“ дипломатовъ.

Но самый фактъ созванія такого конгресса остается тѣмъ не менѣе чрезвычайно интереснымъ и знаменательнымъ для этой эпохи. Все усложнявшіеся вопросы взаимныхъ отношеній между государствами, новыя, зародившіяся въ среднихъ вѣкахъ, потребности международнаго оборота требовали и новыхъ средствъ для ихъ разрѣшенія и удовлетворенія, и въ этомъ смыслѣ попытка Витовта и Сигизмунда остается очень любопытною страницею въ исторіи международныхъ отношеній.

Къ тому же, весь послѣдующій ходъ событій въ Европѣ, развитіе каждаго изъ намѣченныхъ выше вопросовъ обсуждавшихся въ Луцкѣ только подтвердили вѣрность мысли лежащей вообще—и лежавшей и въ данномъ случаѣ—въ основѣ стремленія разрѣшать извѣстныя задачи путемъ международнаго конгресса: эта мысль, нерѣдко забываемая и нынѣ, заключается въ необходимости общаго согласія, компромисса всѣхъ заинтересованныхъ государствъ и солидарнаго ихъ образа дѣйствія для разрѣшенія сложныхъ международныхъ вопросовъ. Подобнаго компромисса и солидарности не было достигнуто на Луцкомъ конгрессѣ, и каждый изъ затронутыхъ, но не рѣшенныхъ на немъ вопросовъ долженъ былъ роковымъ образомъ еще долго волновать всю Европу.

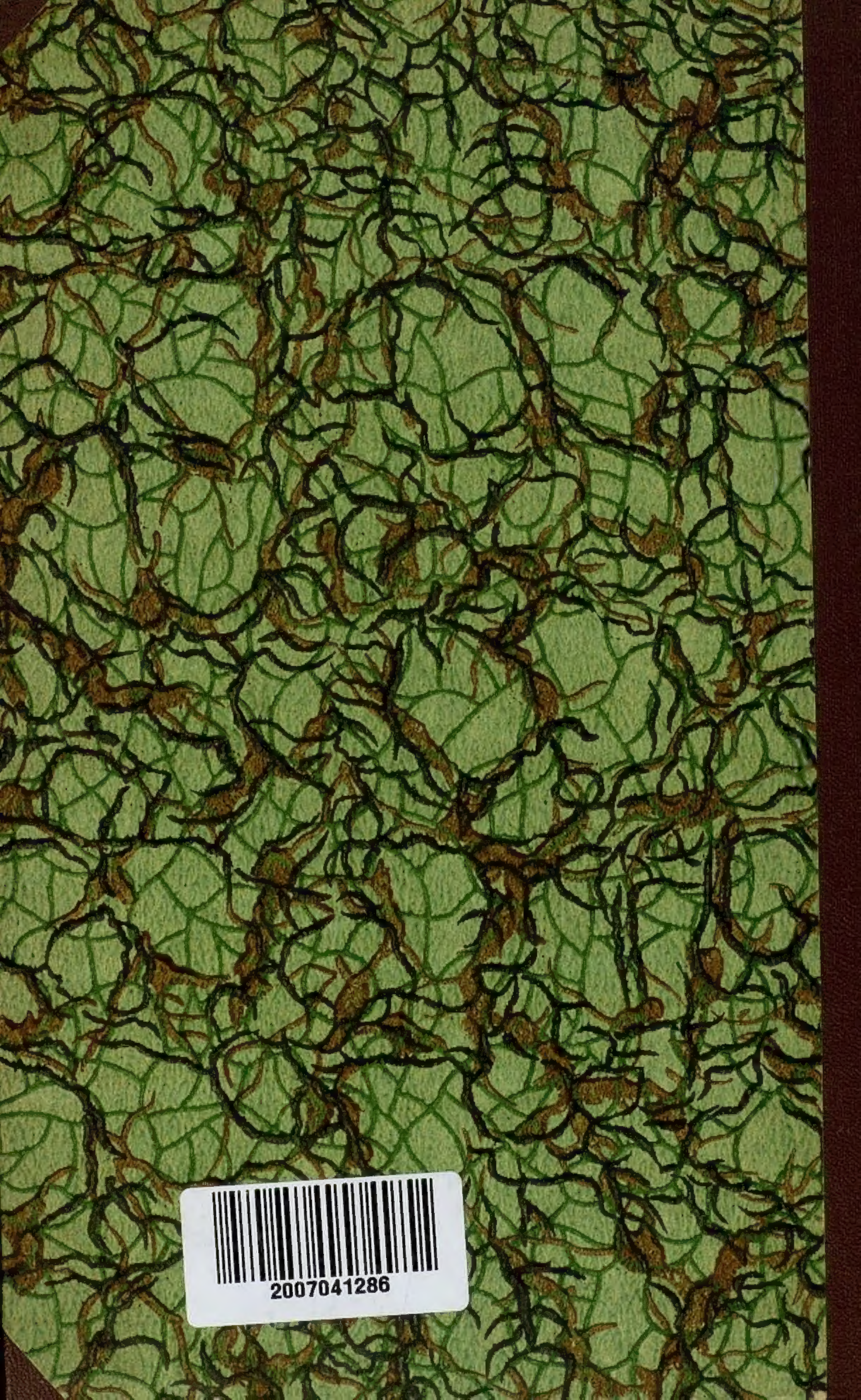
По Восточному вопросу—пораженіе Поляковъ при Варнѣ въ 1444 году и взятіе Константинополя (1453) доказали что pia desideria Сигизмунда на Луцкомъ съѣздѣ были болѣе чѣмъ своевременны. Гусситское движеніе стоило еще четырехъ лѣтъ кровопролитной междоусобной войны и было съ большимъ трудомъ прекращено только соглашеніемъ 1433 года. Вопросы о реформѣ Западной церкви и соединеніи церквей также не остались, какъ извѣстно, безъ движенія и потребовали еще многихъ лѣтъ сложныхъ переговоровъ: черезъ два года послѣ требованій Сигизмунда въ Луцкѣ о созывѣ „вселенскаго“ собора для разрѣшенія этихъ вопросовъ былъ собранъ извѣстный Базельскій соборъ (1431), а черезъ десять лѣтъ—состоялась такъ-называемая Флорентійская унія Восточной и Западной церкви (1439). Наконецъ, и вопросъ объ отдѣленіи Литвы отъ Польши, который былъ собственно вопросомъ о гегемоніи русскаго или польскаго племени среди Славянъ, имѣлъ свою интересную особенно для Русскихъ послѣдую-

щую исторію. Этою исторіей непосредственно вытекающею изъ неудачи плановъ Витовта на Луцскомъ съѣздѣ мы и закончимъ разказъ о „конгрессѣ“ 1429 года.

Преслѣдуя свои широкіе замыслы все въ той же внѣшней (чрезвычайно важной для того времени) формѣ своего коронованія королевскимъ вѣнцомъ Витовтъ условясь съ Сигизмундомъ объ отсрочкѣ этой церемоніи на годъ созвалъ вновь на августъ 1430 года блестящій коронаціонный съѣздъ владѣтельныхъ особъ въ Вильну. Къ назначенному для коронаціи великаго князя и его супруги Юліаны дню (15 августа) въ столицу Литвы опять съѣхалось множество гостей. Тутъ были, между прочимъ, великій князь московскій Василій Васильевичъ (внукъ Витовта) явившійся въ сопровожденіи митрополита Фотія, великій князь Борисъ Александровичъ Тверской, князья рязанскіе, сѣверскіе, великіе магистры прусскій и ливонскій, ханъ перекопскій и множество пословъ отъ разныхъ другихъ государей. Но планамъ литовскаго князя не суждено было сбыться и здѣсь. Императорскіе послы ѣхавшіе съ королевскими регаліями отъ Сигизмунда изъ Венгріи (черезъ Пруссію) были задержаны въ пути интригами польскаго правительства, и коронованіе было вновь отложено до 8 сентября. Но и къ этому времени не прибыли послы императора, и гости разъѣхались ни съ чѣмъ, а глубоко огорченный Витовтъ вскорѣ скончался.

Но выраженный этимъ княземъ, въ формѣ плана своего коронованія, вопросъ объ отдѣленіи Литвы-Руси отъ Польши и о гегемоніи русскаго или польскаго племени среди Славянъ не былъ снятъ съ очереди, такъ же какъ и всѣ другіе политическіе вопросы затронутые на Луцскомъ съѣздѣ. Онъ потребовалъ, напротивъ того, еще многихъ и многихъ лѣтъ непрерывной борьбы между двумя первенствующими отраслями славянскаго племени, православною и католическою, пока не былъ окончательно рѣшенъ—рѣшенъ какъ этого желалъ дальновидный Витовтъ и притомъ *въ пользу его потомковъ:* только эти его потомки были—потомки *по женской линіи.* Не литовскимъ, а московскимъ великимъ князьямъ и царямъ и ихъ преемникамъ Императорамъ Всероссійскимъ было суждено судьбою разрѣшить этотъ вѣковой вопросъ о гегемоніи среди Славянъ: въ концѣ концовъ Литва съ Западною Русью были все-таки оторваны отъ Польши, но оторваны не съ тѣмъ чтобы выдѣлиться въ особое королевство, а чтобы слиться съ Русью Восточною — съ Москвою вставшею во главѣ православнаго славянства.

Бар. М. А. Таубе.

2007041286